

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

**УСПЕШНОЕ ПОРАЖЕНИЕ
(ВМЕСТО ВОСПОМИНАНИЙ)**

МОСКВА 2019 г.

I

После семидесяти мое время начало утекать быстрее и я иногда сравниваю себя с авторучкой, в которой кончаются чернила. Вдруг появилось желание написать воспоминания о прожитом, как бы подвести итоги. Но к моему удивлению то, что удается многим у меня не получилось.

Я был так увлечен жизнью, что не находил время для фиксации ее событий, не вел ни дневников, ни каких-то других регулярных записей. В результате многое забылось, а оставшееся в памяти похоже на дерево с опавшей листвой. Конечно, можно поднапрячься и украсить оголившиеся ветви свежепридуманными подробностями. Но я не стал этого делать. Даже в своих, так называемых, художественных текстах я избегаю описания всего, что впрямую не связано с отношениями выдуманных мною героев. В кибернетике, которой я занимался много лет, широко распространен метод «черного ящика». О внутреннем устройстве такого «ящика» ничего не известно, и судят о нем, сравнивая то, что в него входит с тем, что появляется на выходе. Загрузив в мясорубку куски мяса, и получив на выходе фарш, понимаешь, что в ней находится перемалывающее устройство, эффективность работы которого определяется по качеству и количеству фарша. По аналогии, о человеческих качествах и других особенностях моих героев читатель судит по их поведению в придуманных мной обстоятельствах.

Многим кинематографистам известна легенда о том, как Тонино Гуэрра на спор с Феллини написал сценарий длинною в одну фразу. Вот он этот сценарий: «Красивая женщина дождалась, когда на экране телевизора от земли оторвалась ракета с космическим кораблем и сразу же кому-то позвонила: «Он уехал, приезжай.» Кто эта женщина? Кому она позвонила? Что связывает этих людей? Гуэрра не отвечает на эти вопросы, давая возможность каждому придумать свою версию событий. Убежден, что самые подробные авторские объяснения менее эмоциональны того, что разыгрывается в воображении

каждого кто услышал эту лаконичную историю. Нечто похожее происходит с большинством мужчин, увидевших полуголую женщину – все они мысленно дорисовывают части ее тела скрытые одеждой, и результат оказывает на них более чувственное воздействие, чем если бы они увидели эту же женщину полностью обнаженной.

Упомянув о «космическом» сценарии Гуэрра, я вспомнил о его приезде в Москву зимой 2012 года. Он пришел ко мне в гости с женой Лорой и искусствоведом Паолой Волковой. Сразу же как они вошли, я обратил внимание на то, что знаменитый гость чем-то озабочен. Он был погружен в себя и позже среди моих друзей, которых за столом собралось человек двадцать. Было шумно – количественно преобладавшие бакинцы громко делились впечатлениями от поданной на стол еды.

Гуэрра не притронулся к тому, что лежало в его тарелке и довольно долго молча наблюдал за групповым актом чревоугодия; наконец, он не выдержал.

-А вы не хотите, чтобы я вам что-нибудь рассказал? – и мне стала понятна причина его озабоченности – великого старика беспокоило, что за отпущеный ему срок он не успеет поделиться с людьми тем, что накопилось в его памяти. Вопрос Гуэрра, переведенный на русский Лорой, не сразу прервал гомон за столом – большинство присутствующим толком не знало кто такой Тонино Гуэрра. Но когда он заговорил о Мастроянни все умолкли.

Мы услышали в этот вечер несколько замечательных историй, к сожалению, я запомнил только две.

- Феллини озвучивал очередной фильм, - как большинство глуховатых людей Гуэрра говорил негромко, - к окончанию смены я приехал на Чинечитту за Мастроянни, чтобы вместе поужинать. Работа была почти закончена, оставалось записать одно слово. Я прошел в зал озвучания и, чтобы не мешать им, уселся в дальнем углу. Как я уже сказал, Марчелло должен был произнести в микрофон одно единственное слово: «Си» (да, по-русски). И он это сразу же сделал со свойственным ему обаянием, словно ответил на вопрос приятного

ему человека. На это мягко прозвучавшее «да», Феллини ответил твердым «нет!» Марчелло тут же с готовностью предложил ему другой вариант; на этот раз он произнес «да» так, будто согласился переспать с несимпатичной ему женщиной, - лицо Гуэрро в этот момент исказила гримаса отвращения и мужская часть московско-бакинского застолья восприняла это с пониманием, видимо, каждый хоть раз побывал в этой ситуации, - Феллини отверг и это предложение, - Гуэрра возбудился от воспоминаний и заговорил громче, - потом еще одно, еще, еще... так продолжалось минут сорок. Все устали. Феллини посмотрел на Мастроянни, как на заклятого врага и попросил его выйти; меня он словно не видел. Мы покинули зал. Минут через двадцать он позвал Мастроянни назад; я поплелся следом и занял свое место в углу. Феллини подошел к Мастроянни, стоявшему у микрофона, «Сделай это так»; - в эту минуту он был похож на мальчишку, нашедшего, наконец, ответ на давно мучившую его загадку, - «сожми бедра изо всех сил и напрягись так, будто очень хочешь пукнуть, но не получается.» - тут Гуэрра ухватился обеими руками за край стола и выдавил из себя очень сиплое «си», возникло ощущение, что этот звук раздался не изо рта. Все рассмеялись, Гуэрра повеселел.

- Он ведет себя неприлично, - довольно громко возмутилась моя давняя бакинская знакомая; в последние годы она много ездила по миру и считала себя знатоком всего заграничного. Я не стал ей возражать, чтобы не привлекать внимания, и попросил Гуэрра рассказать что-нибудь еще. Он охотно согласился и сразу же погрустнел; видимо, чтобы настроить нас на менее веселый лад.

Мы притихли; наконец он заговорил.

- Последний раз я встретился с Марчелло в больнице, за три дня до его смерти. Он был удивительно спокоен. «Очень не хочется умирать, Тонино», сказал он как о какой-то кратковременной малоприятной поездке, «жизнь дала мне очень много...», тут он улыбнулся и после небольшой паузы добавил: «Но и я дал ей немало.» Видно было, что эта фраза ему понравилась и он повторил

ее... Я не сразу понял, что он имел ввиду, - Гуэрра прокашлялся, чтобы придать твердость вдруг задрожавшему голосу, - смысл этих слов дошел до меня только через несколько месяцев, уже после его смерти. Перебирая в памяти события жизни Марчелло, я вдруг понял, что он вел с ней игру «на равных» : получив, как в теннисе, от нее мяч, он отправлял его в неожиданном направлении, чтобы жизни было не просто принять эту подачу; потом еще, еще он заставлял ее побегать и в результате получилась игра, которой любовался весь мир.

Гуэрра оглядел сидевших за столом, как бы проверяя их реакцию, и остановил взгляд на мне.

-Конечно, это одна из версий... Может быть он имел ввиду что-то другое... не знаю...

Тут кто-то, по-моему, Женя Попов, в порыве чувств предложил выпить в память о Мастроянни. Все дружно взялись за рюмки, несколько человек встали. Гуэрра с удовольствием присоединился к нам; видно было, что мои друзья начали ему нравиться. Он рассказал что-то еще, но, увы, я не запомнил; вскоре Лора увезла его домой.

Застолье длилось еще несколько часов и, спровоцированный воспоминаниями Гуэрра, я рассказал друзьям об одной из своих встреч с Мастроянни.

Летом 1988 года Никита Михалковставил в Teatro di Roma спектакль по мотивам фильма «Механическое пианино» и я на месяц прилетел в Рим, чтобы поработать с ним над сценарием «Сибирского цирюльника». Он жил в квартире главного режиссера театра, куда-то надолго уехавшего. Просторные апартаменты занимали пол-этажа старинного особняка на пьяцца Ронданини. Михалков привез меня на эту квартиру, я оставил чемодан в отведенной мне комнате, и мы отправились ужинать. Зная мое пристрастие к морепродуктам, Никита заказал столик в рыбном ресторане.

Мы вышли из подъезда на уютную прямоугольную площадь с четырех сторон ограниченную пяти-шести этажными старинными зданиями. Смеркалось, на первом этаже дома, расположенного наискосок от «нашего»,

зажглась зелено-голубая вывеска. Заинтересованный в том, чтобы поесть, не тратя время на длительную поездку по воскресному Риму, я спросил у Михалкова что там расположено.

-Какой-то ресторан,- буркнул он в ответ,-садись.

-Рыбный?

-Не знаю.

-Может посмотрим?

Тут он взорвался.

-Заказан лучший рыбный ресторан, а тебя (то есть меня) тянет в какую-то дыру, о которой никто из моих (то есть его) знакомых ничего не говорил.

Но я все же настоял на своем, мы заглянули в этот маленький ресторанчик... и ели в нем весь месяц пока я жил в Риме- так вкусно и дешево нас кормили. На следующий день Никита привел туда актеров своего спектакля во главе с Мастроянни. За прошедшие тридцать лет, я побывал в этом ресторане еще один раз, приехав на Римский кинофестиваль в 2002 году. Он все еще был популярен из-за послерепетиционных ужинов Мастроянни пятнадцатилетней давности. (Интересно, как идут дела сейчас, и жив ли хозяин? Имя его я забыл, отношения с Михалковым сейчас не те, чтобы спросить; еще три человека, которые могли бы помнить, умерли.)

Михалков неплохо говорит по-итальянски и я редко вмешивался в его беседы с Мастроянни, в которых почему-то часто звучало слово «маскальцони» (засранец). Но, однажды и у меня завязался разговор с Мастроянни - он очень удивился, когда я сказал, что мне нравится Фэй Данауэй, героиня фильма «Бонни и Клайд».

-Тебе нравится эта женщина? - Мастроянни впервые с интересом посмотрел на меня. - Не может быть?!

-Почему? - в ответ удивился я (мы говорили на английском и моих знаний хватало, чтобы задать этот вопрос).

-Потому что она чудовище!

Если бы я писал воспоминания, то обязательно рассказал о том, как он объяснил свое отвращение к женщине, с которой несколько лет был в гражданском браке. Но у меня другие намерения и надеюсь, что рано или поздно они прояснятся тем, кто продолжит чтение этого текста.

В 2012 году я по примеру Мастроянни решил усложнить отношения с жизнью и в семидесяти трехлетнем возрасте вступил в открытый конфликт с людьми, захватившими власть на моей Родине. Жалею ли я об этом? Нет. Правильно ли я поступил? Не знаю. Стала ли моя жизнь интересней? Несомненно.

Из-за проблем, на которые я себя обрек, изменилось привычное течение жизни. Пришлось отказаться от многих удобств и привилегий, прервались отношения с людьми, долгие годы считавшихся моими друзьями и единомышленниками, возник новый круг знакомых. Жизнь стала более интенсивной, как в молодости. И в результате - более интересной.

Придуманное мною название «Успешное поражение» основывается на той банальной истине, что жизнь каждого из нас рано или поздно терпит поражение от смерти. И невольно возникает вопрос: можно ли сделать это поражение более-менее успешным? Если, конечно, существует какой-то объективный способ оценки этой успешности.

Для кого-то самым важным в жизни является карьерный успех. Многие стремятся заработать побольше денег. Третью посвящают жизнь семье и детям. Вызывают уважение те, кто жаждет творческих достижений. Но большая часть человечества тратит жизнь на добывание средств к существованию. Слава богу, я избежал этой участи и оказался среди тех счастливцев, про кого Конфуций сказал: «Выбери себе работу по душе и не проработаешь ни одного дня в жизни».

Из возможностей, которые предоставляла мне жизнь, я выбирал наиболее интересные и единственным ограничителем моих увлечений была и остается совесть. К сожалению, не всегда удавалось удержаться и я переступал черту, мною же обозначенную. Многое забыто, но то, что осталось

в памяти не поддается воздействию времени - стыдно так, будто это произошло только что...

Последние семь лет я живу не так как хотелось бы моей многочисленной родне и многим друзьям-соотечественникам. Как и большинство азербайджанцев, они считают правильным приспосабливаться к любой власти. Это мешает уважать их, но справедливости ради должен упомянуть о том, что территория, на которой расположено теперешнее государство Азербайджан, попеременно захватывалась могущественными соседями то с Юга, то с Востока, то с Севера. И чтобы выжить населению приходилось подчиняться порядкам, устанавливаемым новыми властителями. Это многое объясняет в нашем национальном характере. Но не оправдывает.

Я родился в 1939 году, по китайскому календарю в «год кролика». Но год у китайцев начинается не с первого января - в 1939 году он наступил у них 18 февраля. И, появившись на свет 5 февраля, я числюсь у китайцев рожденным на год раньше, в «год тигра». Всего 13 дней я прожил в «тигрином» году, но это навсегда определило двойственность моей натуры: всю жизнь я пытаюсь поддержать в себе «тигриные» качества, будучи по сути «кроликом». Шутки шутками, но первые двадцать четыре года жизни на окраинной бакинской улице (нравы ее описаны в повести «На 9-ой хребтовой») вынуждали меня регулярно подавлять в себе природную робость, и это, как говорила покойная мама, «выходило мне боком». Инерция «боевого» поведения в молодые годы оказалась довольно стойкой и до сих пор влияет на мои отношения с внешним миром.

Говорят, в Париже продают особые весы - когда вес человека достигает ста килограммов они исполняют «Траурный марш» Шопена. Со мной это произошло в сорок два года, еще тридцать восемь лет я набирал почти по килограмму в год, недавно сбросил немного, но для обладателя сто пятнадцатикилограммового тела продолжаю вести довольно подвижный образ жизни: с десяток моих собутыльников ждет меня в разных городах мира и я стараюсь не обмануть их ожиданий. (Собутыльниками мой отец называл тех, с

кем регулярно выпивал на протяжении многих лет. Я помню имена этих людей - без особой симпатии они часто упоминались моей мамой. Она не считала этих людей друзьями отца, и, действительно, этих представителей разных профессий и национальностей объединяла лишь тяга к совместным многочасовым застольям).

В отличие от отцовских, в число моих собутыльников входят и мои ближайшие друзья. Дух тех из них, кто уже покинул нас, витает над столом при всех наших встречах, - мы пьем за них, как за живых и с удовольствием роемся в прошлом, часто повторяясь; к примеру, выпивая за Кямала Манафлы, знаменитого бакинского кларнетиста, по прозвищу Глыба, мы регулярно вспоминаем историю о том, как однажды под утро он случайно встретился на улице с Рудиком Аванесовым и, в ответ на жалобу Рудика по поводу сильной головной боли, с искренней убежденностью сказал: «Но мы же для этого пьем, Рудик, чтобы утром можно было бы полечиться». И повел слегка сопротивляющегося Рудика в ближайшую хашнью. (В Баку моей молодости эти заведения работали с пяти утра).

Кямал не раз говорил, что посвятил свою жизнь друзьям: «Кто может сказать, что позвонил мне ночью и предложил пойти выпить и я отказался? Нет такого человека!» И он не врал, мир его праху: мы не раз поднимали его с постели посреди ночи...

Первую бутылку водки я распил с друзьями в 1952 году. Нас было пятеро: Пиня Симандуев (через два года, получив паспорт, он потребовал, чтобы мы называли его Альбертом), Равиль Камачкин, и живущие на соседней улице Пярвиз и Абили. Национальный состав моих первых собутыльников отражал общую демографическую ситуацию тогдашнего Баку - пятьдесят на пятьдесят: два азербайджанца и столько же представителей других национальностей. Конечно же, круг моих друзей был шире - в него входили еще несколько человек разных национальностей, но в тот знаменательный день нас было пятеро. С утра мы отправились «на шатал» (прогуляли школу) и

несколько часов провели на стадионе «Динамо», где тренировалась наша любимая команда «Нефтяник».

Предложение « выпить и закусить» исходило от Пиньки - три раза в неделю от подрабатывал в портняжной мастерской и многому там научился. Я, имея примером своего отца, сразу же его поддержал. Пярвиз и Абили согласились со мной из-за того, что по сравнению с ними я много читал, а мнение нашего пятого собутыльника значения не имело, он подчинялся коллективным решениям из-за давнего чувства вины. (Осенью сорок второго года, на четвертом месяце обороны Сталинграда, его беременная тетка Тамара обнаружила пропажу золотых часов и бриллиантового кольца. И сразу же «взяла в оборот» Равильку. Но он тогда только-только начинал говорить и на все вопросы отвечал одним словом: «боти». Обожавшая его бабка была очень недовольна этим допросом, но остановить разбушевавшуюся дочь - сестру погибшего на фронте отца Равильки - не смогла. И нам пришлось по очереди поклясться, что украшенную бисером черную шкатулку тетки Тамары мы не трогали и ничего из нее не брали.

Драгоценности нашлись через три месяца; в слякотный предновогодний день тетка Тамара их обнаружила в своих ботах. Раскрылся смысл таинственного слова «боти» - по каким-то семейно-татарским соображениям четырехлетний Равилька решил перераспределить золотой запас Камачкиных в свою пользу и лучшего места для тайника не нашел.

Это первое в жизни уголовное расследование нас очень обидело. Равиль несколько лет всячески пытался искупить свою вину, к примеру помогал нам красть пельмени, которые приносила из столовой его бабка, повариха. Она сушила их на расстеленной на полу простыне, а мы заранее залезали под стоящую рядом кровать и таскали их, подравнивая края огромного пельменного треугольника. В конце концов Равилька был прощен, но в пятьдесят втором году он еще не участвовал в принятии важных решений.)

Купив бутылку водки, банку соленых огурцов, двести пятьдесят граммов краковской колбасы и буханку хлеба мы пришли в нашу двухкомнатную

квартиру на улице имени никому не известного Полухина (бывшей Персидской) и расположились на скрипучем деревянном балконе, половина которого принадлежала соседям.

К возвращению с работы родителей было съедено то, что мы принесли с собой и все, что нашлось в доме. Заодно мы подробно обсудили поведение живущей по соседству Доры Гинзбург, в которую я и Пинька (в последствии Альберт) Симандуевы были влюблены.

Пярвиз и Абили пришли ко мне спустя семьдесят лет после этого первого в моей жизни дружеского застолья, чтобы обсудить очень важный, как им казалось, вопрос (Все эти годы, время от времени мы виделись, конечно, но реже, чем хотелось бы). Они явились без предупреждения вместе с третьим другом детства Аликом и оказались в компании моих новых (всего сорок лет общения) собутыльников. Происходило это в Крепости (Старом городе), в доме, который я восстановил из руин, выделенных мне под мастерскую. (Двоюродный брат Рамиз, руководивший восстановительными работами, на мои упреки из-за неполадок с водой и электроснабжением, ворчливо напоминал, что получал от меня деньги четыреста пятьдесят девять раз в течение десяти лет.)

Атамалы (мой водитель, повар, доверенное лицо и почти член семьи с тридцатилетним стажем) зажарил новую порцию бараньих ребрышек с баклажанами, и застолье, длившееся четыре часа, продолжилось в новом составе.

Пярвиз и Абили, сев за стол, сразу же завели разговор о том, из-за чего пришли: Алику в будущем, 2013 году исполнялось восемьдесят лет, но он почему-то решил справить юбилей на год раньше, и их интересовало мое мнение. Я спросил у Алика чем вызвано его странное решение. «Потом бабок не будет» - лаконично ответил он. (Оказалось, что месяц назад ему вернули старый долг и он опасался, что потратит полученные деньги, не дождавшись календарной даты юбилея.) Сомнения Алика показались мне обоснованными;

Пярвиз и Абили восприняли это как призыв к действию, и выложили на стол список предполагаемых гостей. Алик с усмешкой наблюдал за тем, как они, волнуясь ждут моего одобрения принципа, по которому был составлен список - по их мнению число гостей должно быть равным возрасту юбиляра. При скромных финансовых возможностях Алика, список мог бы быть покороче, подумал я, но промолчал. Удивлял и возрастной диапазон гостей: от тридцати летних племянников Алика до... самому пожилому председателю республиканского детского фонда, недавно исполнилось сто два года (уважительное отношение этого известного в Баку человека к простому водителю возникло в конце семидесятых годов, когда его персональная «Волга» врезалась в грузовик Алика, и он остался в живых только благодаря героическим действиям моего друга).

Кто-то, из русских философов сказал, что свобода - это право на неравенство. Мы постигли эту истину в раннем детстве - на нашей улице иерархия авторитетов не подвергалась сомнению годами, водитель грузовика Алик, до самой своей смерти в семнадцатом году, занимал в ней высокое место. (Будучи на несколько лет старше, он опекал нас в военные и послевоенные годы, и мы об этом не забывали; Алику посвящена глава – повесть в романе «Солнечное сплетение».)

Как-то Павел Финн мой московский друг–собутыльник с многолетним стажем назвал меня чемпионом мира «по дружбе», я действительно трудно расстаюсь с людьми, которых судьба определила мне в друзья. Причину этого я понял лет двадцать назад. Мы провожали в Израиль Тофику Мирзоева (одного из самых близких и давних друзей -собутыльников) и на третий день затянувшегося прощания оказались далеко заполночь в пивном ресторане на берегу моря, довольно далеко от Баку. Все подустали. Под тихий шорох набегающих волн, мы щедрили пиво почти не разговаривая. И вдруг Руслан Шахмалиев (режиссер-документалист и собутыльник «не ближнего» круга) стал приставать к Тофику с дурацкими претензиями. (Напиваясь Руслан

становился агрессивным - в конце семидесятых на съемках в Туркменистане он случайно убил своего оператора в гостиничном номере из-за творческих разногласий). Выпятив свой остроугольный, как горб животик, и с трудом удерживая в дрожащей руке кружку пива, Руслан упрекал Тофика за просчеты, который тот, якобы, допустил, когда работал над музыкальным оформлением какой-то короткометражки. Говорил он не останавливаясь довольно долго, пока не выдохся. И только тогда Тофик, отхлебнув пива, ответил ему почти ласково: «Руслан, у тебя ничего не получится. Я потратил на тебя столько лет своей жизни, что не поссорюсь с тобой, чтобы ты сейчас не сказал.» И меня осенило: я не расстаюсь с друзьями по этой же причине – жалко потерять отданные им годы жизни.

Эти строки я пишу в Тбилиси. 2 октября 2019 года умер Гия Канчели. Незадолго до смерти он настоял на том, чтобы его привезли в дом Мианды Мирианашвили, где грузинские друзья отмечали моё восьмидесятилетие.

Появление Гии было воспринято как чудо - после долгого безуспешного лечения в Антверпене, жена Люля, вывезла его в Тбилиси и на родине он ожил. Состояние оставалось тяжелым, он не вставал с постели, но на встрече со мной настоял и Люля выполнила его просьбу. Выпив за мое здоровье, Гия очень смешно рассказал о том, как договорился с Данелией о встрече в потустороннем мире. И вообще он был в ударе и много шутил на этой последней встрече с друзьями.

Вчера мы пришли с Люлей на его могилу в тбилисском пантеоне, а вечером собрались, чтобы помянуть нашего великого друга. Сидели на веранде гостиницы Копала с завораживающим видом на ночной Тбилиси. Зал давно опустел, но мы не расходились объединенные порывом, возвысившим нас над обыденностью жизни. Мы пили за мужскую дружбу и, расчувствовавшись, я поделился давними соображениями: «взаимоотношения с женщинами поощряются любовными радостями», сказал я, «семья дарит нам детей, работа оплачивается деньгами, служение государству приносит должности и награды и лишь мужская дружба абсолютно бескорыстна. Но почему-то продолжает

существовать в веках. А так как в процессе эволюции человек сохраняет лишь те качества, которые связаны с инстинктом самосохранения, то следует вывод: дружба необходима нам, мужчинам, чтобы выжить. Не будем дружить – вымрем.»

Мои соображения были приняты с единодушным одобрением и я продолжал разглагольствовать: «традиционный ритуал кавказского застолья несправедливо обойден вниманием психологической науки - несколько часов, в течение которых мы произносим друг за друга хвалебные тосты, создают вокруг стола зону взаимной доброты, пребывание в которой гораздо эффективней посещения психотерапевтов, лечащих от депрессии и других вредных воздействий окружающей жизни. И важно, что хваля друг друга с рюмкой в руке, мы искренни – хорошие качества можно найти даже не в самом лучшем из нас.» Плод моих многолетних наблюдений вдохновил всех на новый круг тостов... Утром я вылетал в Баку....

Возвращаюсь к тому осеннему вечеру 2012 года, когда Пярвиз Абили и Алик, пришли ко мне за советом....

Завершая застолье, я вместо заключительного тоста прочитал друзьям собутыльникам мою статью, которая на следующий день вышла в газете «Панорама» и круто изменила мою жизнь. Название «По ком звонит колокол» я заимствовал у Хемингуэя.

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ.

Мало для кого секрет, что демократическая республика Азербайджан совсем недемократично управляетя небольшой группой чиновников-олигархов. Мы все, возмущаемся тем, что огромная часть нашей территории незаконно оккупирована соседним государством, но почему-то миримся с тем, что вся остальная часть страны оказалась в руках людей, относящихся к своему народу с беспощадностью, сравнимой с вражеской. Никогда, ни в царские, ни в советские, ни в псевдодемократические времена девяностых

годов в управление страной не было вовлечено так много жадных и некомпетентных людей. Забыты многовековые традиции нашей поэзии и философии, растоптаны идеалы первого на всем востоке независимого демократического государства, активно разрушаются научно-гуманитарные достижения советского времени.

Все чаще и чаще в средствах массовой информации всплывают факты чудовищных финансовых злоупотреблений; причем нередко эта информация приходит из-за рубежа. В стране объявлена антикоррупционная кампания, создана даже специальная комиссия, но борьба с коррупцией поручена тем, кто является ее системными организаторами. Одновременно идет массовый передел частной собственности: тысячи и тысячи граждан выбрасывают из собственных домов, захватывают их земельные участки, и все это происходит под предлогом государственных интересов. Попытки обратиться в полицию, прокуратуру и суды за помощью бесполезны судебно-правовая система находится в руках все тех же чиновников-олигархов. Активней всего земля отбирается под нужды нефтяной отрасли, и если грянет приватизация Государственной Нефтяной компании, то огромная территория вместе с ее недрами окажется в руках все тех же людей.

Тотальная коррупция и регулярное попрание элементарных прав граждан привело к тому, что Азербайджан постоянно попадает в список самых несвободных стран мира, и это является одной из серьезнейших причин того, что мы уже два десятилетия не можем вернуть территории, захваченные агрессивным соседом - общеизвестно, что при решении международных конфликтов мировое сообщество не поддерживает государства с сомнительной общественно-политической репутацией.

Невозможно спокойно воспринимать и то, что творится на телевидении, уровень передач которого ниже, чем в сельских клубах моей молодости. Все мы выросли на народной музыке, но ведь ею не исчерпываются все наши музыкальные достижения. Порой кажется, что из памяти народа, особенно молодежи, специально вытравливаются имена

Узеира Гаджибекова, Муслима Магомаева, Кара Караева, Фикрета Амирова, Тофика Кулиева, Ниязи, Джахангира Джахангирова, Джевдета Гаджиева, Пярвиза Рустамбекова, Вагифа Мустафа-заде и многих других. Забыты и наши выдающиеся писатели, художники, актеры, деятели науки. Ничего хорошего не говорится о величайшем достижении нашего народа – Первой демократической республике на Востоке – АДР, и это очень серьезная проблема: каждый народ должен иметь возможность воспитывать новые поколения на своих исторических достижениях. Азербайджан, имея великие культурные традиции, прошел долгий путь раздробленного существования, и лишь в двадцатом веке история дала нам возможность создать целостное независимое государство с оформленной национальной идеей. Конституция АДР опережала некоторыми своими положениями Конституцию США, к примеру, предоставив женщинам равные права с мужчинами.

В течение нескольких десятилетий мы прошли гигантский путь развития: была создана первая опера на Востоке, первый балет, первые симфонические произведения, появились выдающиеся писатели, художники, инженеры, ученые. В результате мы стали примером для многих стран Азии и сегодня имеем исторически обоснованную возможность воспитывать в наших детях чувство гордости за свой народ и страну. К сожалению, настойчивая тенденция замалчивать многие наши достижения в 20-м веке укорачивает историческую память народа на семьдесят лет, до 1993 года, и мешает формированию полноценного национального сознания у молодежи.

Из-за очередного изменения алфавита (очевидно необходимого), оказались ненужными издаваемые годами книги, которых и так было недостаточно. В сельских районах закрылись книжные магазины. Даже в Баку их осталось всего несколько, а ведь было больше ста. Но и из мизерного количества продаваемых в магазинах книг лишь 5% на азербайджанском языке. Вот чем надо срочно заняться властям.

Сложная, труднообъяснимая ситуация сложилась в науке. (Главным образом из-за того, что в ней нет социальной востребованности.) Существует

общее правило взаимосвязи науки и экономики: если из бюджета на науку выделяется менее 2 % , то наука перестает влиять на развитие экономики. У нас многолетнее мизерное ассигнование на науку привело к тому, что она фактически не играет никакой роли в нашей экономике.

Несколько лет назад я публично заявил, что в Азербайджане есть интеллигенты, но нет интеллигенции в виде влиятельной общественной силы. Будучи человеком далеким от политики и занятый писательским трудом, я предполагал, что те, для кого интересы страны не пустые слова, рано или поздно активизируют усилия, чтобы исправить сложившуюся в стране ситуацию. Но прошло время, и я понял, что нельзя требовать от других то, чего не делаешь сам. Поэтому небольшая группа моих друзей инициировала общественные слушания по самым важным, на наш взгляд, проблемам общества. Под названием Форум интеллигенции наше движение провело более 10 конференций, материалы которых вызвали большой резонанс в азербайджанском обществе и активное неприятие власти. В работе Форума участвуют такие известные деятели культуры и науки как прозаик Акрам Айлисли, поэт Рамиз Ровшан, ученые Рафик Алиев и Джамиль Гасанлы, общественные деятели Эльдар Намазов, Гюльтекин Гаджиева, Сабит Багиров, Мехман Алиев, Эльчин Шихлы, Ариф Алиев и многие другие. В связи с нападками на наш Форум, десятки известных представителей азербайджанской культуры и науки выступили с заявлениями в его поддержку. Я рад и тому, что академик Джалал Аллахвердиев, певец Акиф Ислам-заде, поэт Муса Ягуб, проф. Али Алирзаев и другие яркие представители азербайджанской интеллигенции, поддержали Форум. Приятным сюрпризом стала информация в СМИ о том, что в некоторых сельских районах страны начали создаваться свои форумы интеллигенции, на которых обсуждаются волнующие населения региональные проблемы.

Нас, участников Форума часто спрашивают: «Неужели вы надеетесь, что сможете повлиять на власть?». В ответ мы говорим: «мы просто не можем

молчать, чтобы не потерять самоуважение, нам важно, чтобы наши дети в будущем не обвинили нас в общественной трусости».

На фоне общей ситуации в стране, я не могу не коснуться положения дел в национальном кинематографе. Уже более сорока лет Союз кинематографистов республики пытается защитить азербайджанское кино от государственного произвола. Оставим советский период национального кинематографа на совести партийного и государственного чиновничества того времени. Но что же происходит в нашем кино после обретения независимости?

4 сентября 1992 года Союз кинематографистов выступил с публичным обращением: «Союз кинематографистов республики считает одной из своих главных задач довести до общественности республики тревогу, вызванную катастрофическим состоянием, в котором оказался национальный кинематограф после освобождения от диктаторской опеки со стороны советских государственных структур. Особенность кинематографа как вида искусства заключается в его зависимости от материально-технической базы производства фильмов, - у нас она на грани развала. Неоднократные попытки Союза кинематографистов добиться минимальной государственной поддержки для решения этой и других проблем национального кино игнорируются государственными чиновниками».

Прошло пятнадцать лет после этого обращения; росли цены на нефть, богатела страна, менялись президенты страны, а Союз кинематографистов по-прежнему безуспешно продолжал попытки привлечь внимание верхних этажей власти к проблемам национального кино.

23 февраля 2007 года после моей встречи с Президентом Ильхамом Алиевым увидел свет его Указ о развитии киноискусства в Азербайджане. В этом документе были приняты судьбоносные для национального кино решения, исполнение которых было поручено Правительству и Министерству культуры Азербайджана. Указ предписывал срочное реконструирование и переоснащение киностудии «Азербайджанфильм»; воссоздание сети

кинотеатров в Баку и районах республики; подготовку высококвалифицированных специалистов кино, как за рубежом, так и внутри республики.

С тех пор прошло пять лет, но киностудия все в том же бедственном состоянии, в районах республики по прежнему нет кинотеатров, и уже несколько поколений молодых граждан Азербайджана не может посмотреть даже фильмы, произведенные в республике; закрыт фестиваль «Восток-Запад», созданная Союзом кинематографистов Международная киношкола не получила финансовую поддержку и после первого выпуска слушателей вынуждена остановить свою деятельность; среди 1050 студентов обучающихся за рубежом по госпрограмме нет ни одного будущего кинематографиста; под разными предлогами сорвана разработанная

Союзом кинематографистов программа показа азербайджанских фильмов в районах республики; незаконно захвачен участок земли на Баилове где предполагалось строительство международного кинокомплекса и т.д

Возникает вопрос, почему государственный чиновничий аппарат столь последовательно мешает всем начинаниям в области кино, даже если они исходят от высшего руководства страны? Ответ лежит на поверхности: в Азербайджане поддерживаются только те проекты, которые приносят личную выгоду все тому же узкому кругу олигархов-чиновников.

Ситуация усугубляется еще и тем, что последние годы резко ухудшилось отношение власти к Союзу кинематографистов республики по той причине, что я позволил себе несколько критических выступлений в прессе. Но карательные меры, принимаемые по отношению ко мне и тремстам ни в чем не повинных членов Союза кинематографистов, не погасили моего желания время от времени откровенно высказываться в прессе. То, что в этот раз я выбрал для этой цели русскоязычную газету, объясняется тем исторически сложившимся обстоятельством, что жители Баку, уже многие годы разделены на две неравные по численности части по языковому признаку: одна читает только азербайджанские газеты, а другая, тоже

многочисленная, только русские. В результате многие бакинцы не очень осведомлены о событиях вокруг Союза кинематографистов и деятельности Форума интеллигенции из-за того, что дискуссии, в которых часто принимаю участие и я, в основном находят свое отражение в азербайджанских газетах.

Несомненно, достойно сожаления то, что многие представители нашей интеллигенции из-за не очень хорошего знания родного языка, слабо вовлечены в общественно-политическую жизнь страны. Но сегодня очень важно помнить то, что благодаря русскому языку к шестидесятым годам в Баку сформировалась многотысячная прослойка образованных азербайджанцев, по своему общекультурному и профессиональному уровню не уступающих москвичам, европейцам и американцам, а главное – бакинцам других национальностей. Они прекрасно знали музыку, мировую литературу; уровень преподавания в АЗИИ, Консерватории, Политехническом и Медицинском институтах был настолько высок, что в Баку приезжали учиться из России и других стран. Основы всего этого были заложены в тридцатые годы, когда великий Узеир Гаджибеков пригласил на работу в Консерваторию группу замечательных педагогов из Москвы и Петербурга. Отец Мстислава Ростроповича, чьим бакинским происхождением мы гордимся, воспитал десятки азербайджанских музыкантов. Кара Караев учился у Шостаковича, Фикрет Амиров – у Зейдмана. Похожие процессы имели место и в других вузах. Бывая за границей, я часто встречаю высококвалифицированных врачей, закончивших Азербайджанский медицинский институт в 50-60 годы. А сегодня уровень медицины в Азербайджане таков, что мы, чтобы спасти свои жизни, едем лечиться в Европу, Москву, Иран, Турцию, куда угодно.

Двадцать последних лет мы бездумно «разбазариваем» свои высокопрофессиональные кадровые ресурсы. Половина музыкантов в турецких оркестрах – выпускники бакинской консерватории, по всей России трудятся наши строители и нефтяники. И главной причиной этого бегства из Баку является «культурная революция», ставшая итогом некачественной работы «карьерного механизма», о дефектах которого я писал еще несколько

лет назад; вместо учета деловых, интеллектуальных, нравственных, профессиональных качеств у нас при выборе работников отдают предпочтение денежным, земляческим, региональным, родственным соображениям, и по этой причине во всех сферах значительные должности занимают люди, качественно уступающие тем, кого карьерный механизм выбрасывает на обочину жизни. Сегодня устраиваясь на работу, приходится прикидываться малообразованным человеком, чтобы не выделяться на фоне начальства, и, конечно же, надо скрывать нежелание и неумение брать взятки.

В результате и сегодня сложившаяся в стране ситуация требует активизации усилий всей национальной интеллигенции, в том числе и тех кто предпочитает читать газеты на русском языке. Именно на это направлена деятельность Форума интеллигенции; - в стране, наконец-то, появилось общественное движение, не ставящее перед собой задачу прихода к власти, и заинтересованное в оздоровлении нравственной и общественно-политической обстановки в стране. Любая реалистично мыслящая власть, незамедлительно вступила бы с нами в переговоры. Но руководство нашей страны ведет себя неприступно жестко, не понимая, что наращивание давления на общество неминуемо приведет к перерождению утвердившегося сегодня авторитаризма в диктатуру. Ну а чем заканчивают свое существование самые жестокие диктатуры известно из учебников истории. А еще более ярким подтверждением печальной участи диктаторов являются недавние события в Египте, Ливии, Сирии. Ох, как не хочется чтобы, чтобы независимый Азербайджан, заложивший свои демократические традиции еще в 1918 году, оказался в ряду диктатур, свергнутых своим народом, но если это все же произойдет, ответственность ляжет на всех нас – наше поколение вольно или невольно участвовало в строительстве государства, которое сегодня осуждается цивилизованным миром. (Выплачивая новорожденным азербайджанцам пособия по 75 манат, мы ежегодно устраиваем помпезные праздники цветов ценой в 60 миллионов долларов.)

Конечно, каждый из нас может сказать, что не имеет прямого отношения к тому, что происходит у него на глазах, но вспоминается великая фраза Джона Донна, которую я пересказываю вольно, по памяти: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе, даже если ты еще жив».

Когда наконец затянувшееся чтение закончилось, наступило долгое молчание. Прервал его один из моих самых близких друзей-событильников Рафик Гусейнов «Зачем тебе это нужно?», спросил он как бы от имени всех присутствующих. Этот вопрос я потом услышал от многих; задал мне его и мой брат Максуд. Доводы, которые я привел в ответ, испортили наши отношения навсегда...

Не знаю, как отнесся бы к этой статье мой отец, умудрившийся не участвовать ни в одном из важных событий двадцатого века, ровесником которого он был, но не сомневаюсь, что мама одобрила бы ее не колеблясь. Мама оказала на меня большое влияние, но доверительная близость между нами сложилась не сразу.

Летом 1945 года она повела нас братом на Приморский бульвар. Обычно прогулки с мамой нас очень радовали. Но в то августовское воскресенье наше пасмурное настроение явно контрастировало с ясной солнечной погодой. Утром за завтраком мы спорили с братом из-за нескольких печений «коровка» - никак не могли их поделить. Выяснения отношений продолжалось и после маминых просьб уговориться. И тогда, следуя мало кому известной «немецкой» системе воспитания, она сгребла печенье в кучку и выбросила в мусорный ящик. Мне было шесть лет, брату десять, и мамин поступок так нас потряс, что больше мы никогда не спорили из-за еды - мамина «немецкая» система действовала безотказно.

На бульваре было празднично и весело - всего три месяца, как закончилась война и люди наслаждались мирной жизнью. Под парашютной вышкой играл военный оркестр, окруженный толпой любителей духовой

музыки. Над морем парил большой белый дирижабль с красной надписью: «Мы победили».

Чтобы как-то утешить нас мама купила нам по воздушному шарику у старика армянина, который торговал еще пирожками с повидлом.

-Горячие пирожки - выкрикивал он пронзительным фальцетом, - чересчур горячие!

Качество пирожков вызвало у мамы серьезные сомнения, но все же она купила несколько штук. Мы сразу же, не споря, их съели и, повеселев, пошли смотреть на пленных немцев, строивших громадное здания Дома Правительства.

По дороге на стройку мы обратили внимание на странное каменное сооружение посреди просторной площади.

- Это трибуна, - объяснила мама, - во время парадов и демонстраций на ней стоит правительство.

-А зачем там решетка внизу? - спросил я, уже тогда проявляя нездоровий интерес ко всему, что связано с нравами власть предержащих. Мама посмотрела на зарешеченную арку в нижней части трибуны и усмехнулась.

-Сперва они стоят на трибуне, а потом их сажают за решетку.

-За эту? - не отставал я.

-Не обязательно. Решеток в стране много.

Смысл, сказанных мамой слов до меня «не дошел», но почему-то я насторожился. Ощущение, что с мамой что-то не то, росло во мне из года в год. И шестого марта 1953 года, в день смерти Сталина, я высказал все, что о ней думаю.

В восьмом классе я был самым младшим по возрасту и не успел вступить в комсомол вместе с одноклассниками - не хватило полгода до полагающихся четырнадцати лет. По этой причине я не участвовал в собрании, на котором обсуждалось персональное дело моего соседа по парте Фимы Зарубинского. Второго марта он пришел в школу со страшной новостью: тяжело заболел товарищ Сталин! Так как по общему убеждению это было невозможно, классная руководительница помчалась к директору школы. Фиму строго допросили и

выбили из него признание: о болезни Сталина он узнал от отца, который по ночам слушал радиостанцию Би-би-си.

За распространение вражеской пропаганды Фима единогласным решением был исключен из комсомола и три дня был самым презираемым человеком в школе. Четвертого марта советское радио сообщило о болезни вождя. Шестого марта в шесть часов вечера было объявлено о его смерти.

Трагическое известие застало меня во дворе. С трудом сдерживая душившие меня рыдания, я побежал домой. Мама жарила картошку, папа недавно вернулся с работы и по обыкновению лежал на продавленном кожаном диване с какой-то книгой. Они уже знали о горе, постигшем страну, и меня поразило их спокойствие, граничащее с безразличием.

Мама, перемешивая картошку в сковородке, громко, чтобы услышал тугой на ухо отец, произнесла фразу, оскорбившую мои чувства до глубины души: «Усач дал дуба! Кто бы мог подумать!» На азербайджанском ее слова прозвучали мягче, но не менее непочтительно к великому вождю. Такое я ей простить не мог! И срывающимся от возмущения голосом, я сказал то, что накопилось в моей пионерско-комсомольской душе.

-Я давно знаю: ты нас не любишь!

Мама посмотрела на меня с печальной улыбкой.

-Кого «vas» сынок?

-Всех! Советскую власть!

Мы встретились взглядами, и она поняла, что спорить со мною бессмысленно-Павлик Морозов был в те годы самым любимым героем советских детей.

-Мы поговорим с тобой об этом, когда ты вырастишь. Ты много не знаешь... - Она приобняла меня свободной левой рукой.

-Никогда, - я резко сбросил с плеча ее руку, - никогда я не поверю, что наша власть плохая.

В кухне появился отец.

-Я же просил, - упрекнул он маму с несвойственной ему строгостью, - не вести такие разговоры при детях. Ты всех нас погубишь.

Он погладил меня по голове и вздохнул.

-Смерть есть смерть, и мальчика понять можно...

(Основания для соблюдения конспирации у папы были: в сорок четвертом году к нам прибежала перепуганная управдом Борзова.

-Ваш Рустам собрал детей и говорит им, что радио врет: если Гитлер такой дурак, то как он до Москвы дошел?! Я вас очень уважаю Фатьма Александровна, - управдом, как и многие, считала маму главным человеком в нашей семье и, не обращая внимания на отца, адресовала свои упреки ей, - но за такое и посадить могут!

В сорок четвертом году мне было пять лет и, конечно же, я делился с друзьями информацией, почерпнутой из домашних разговоров. Понимала это и Борзова - в словах худющей управдомши явственно звучала угроза в адрес родителей. Но мама не зря говорила, что Борзова приличный человек - получив от папы четвертинку водки, она успокоилась взамен на обещание строго меня наказать.)

Неизвестно, как закончился бы мой идеологический конфликт с мамой в день смерти Сталина, если бы не прибежала Сара Лазаревна, мамина подруга из соседнего двора. Прикрыв за собой дверь, Сара Лазаревна стерла с лица траурное выражение и бросилась обнимать маму.

- Бог есть, Фатимочка, и он все видит!

Папа начал подавать ей знаки не откровенничать в моем присутствии и сметливая Сара Лазаревна тут же восстановила на лице скорбную мину.

-Конечно, конечно, Ибрагим Ахмедович,- разве я не понимаю... смерть товарища Сталина огромное горе и невосполнимая утрата.

-Вы правы, Сара,- перебила ее мама, - но теперь многое изменится в лучшую сторону.

Отец осуждающее покачал головой и увел меня из кухни.

Как я уже говорил, в Баку жили и живут люди разных национальностей, Но, по необъяснимой демографической причуде в нашем и соседних дворах поселилось много евреев. Почему они, переселившись в Баку из разных городов,

выбрали для жилья именно наш квартал понять было трудно. Но, как бы то ни было, когда я подрос они уже воспринимались как коренные бакинцы. И о том, что Винбурги по национальности евреи я понял только в сорок девятом году, когда Сара Лазаревна обратилась к маме с просьбой написать письмо на имя Сталина. Ее направили евреи нашего квартала - мама, не будучи по образованию юристом, имела репутацию человека, умеющего писать «правильные» письма в высокие инстанции. Сказывалось то, что проработав два года директором детского дома, она в конце войны какое-то время занимала довольно высокую должность в нашем райисполкоме, но уволилась, когда первый секретарь райкома потребовал, чтобы она вступила в партию.

Как только Сара Лазаревна заговорила о письме, мама выставила меня из комнаты. Но я успел услышать имя товарища Сталина, которого к этому уже времени горячо любил, и поэтому, оказавшись за дверью, начал подслушивать их разговор.

Оказалось, что Сталин обвинил евреев Советского Союза во враждебном «заговоре» и намеревался выслать их в Сибирь. В сбивчивом рассказе Сары Лазаревны несколько раз прозвучали два имени, Голда Меир и Жемчужина; как ни странно, я запомнил их на всю жизнь.

Значительно позже, продюсируя документальный фильм Павла Финна и Семена Арановича «Большой концерт народов, или Дыхание Чейн-Стокса», я познакомился с документами, подтверждающими информацию, подслушанную мною в десятилетнем возрасте: посол Израиля в СССР Голда Меир вскоре после своего приезда в Москву пошла в синагогу, где собралась большая толпа верующих евреев, выразивших ей свою радость по поводу создания еврейского государства. Еще через несколько дней на правительственном приеме к ней подошла жена Молотова Жемчужина и заговорила не на английском, которого не знала, не на русском, которого не знала Голда Меир, а на идише - его они знали обе.

-Я дочь еврейского народа, - гордо сказала Жемчужина и этого оказалось достаточно, чтобы она вскоре оказалась в тюрьме. Тогда же закрыли еврейский

театр и издательство. А годом раньше, в Минске, был убит Михоэлс и начались аресты членов еврейского антифашистского комитета.

Выслушав Сару Лазаревну, политически подкованная мама поделилась с ней слухом о недавнем обращении к Сталину группы известных деятелей культуры и науки с просьбой разрешить всем советским евреям поселиться в Крыму. Сара Лазаревна пришла в ужас. И в мамином письме к вождю было особенно отмечено, что никто из «наших» евреев переселяться в Крым не намерен, потому, что им очень хорошо живется в родном Баку.

Не известно дошло это послание до адресата или нет, но еще много лет на нашей улице существовал миф о том, что именно мамине письмо спасло бакинских евреев от переселения в Сибирь.

В пятьдесят четвертом году был реабилитирован и вернулся в Баку мой дядя Фуад, родной брат отца, проведший в лагерях под Иркутском пять лет из десяти, к которым был приговорен «за космополитизм». Известный психиатр и психолог, он вернулся из заключения, довольно пожилым человеком, но за оставшиеся у него годы создал в Азербайджане научное направление, изучающее психологические особенностиами биллингвизма. Сегодня это направление психологии, связанное с обучением в двуязычной среде, утрачивает актуальность, но тогда русскому языку во всех национальных республиках учили одновременно с языком коренного населения и труды дяди имели широкое распространение.

Уже после распада СССР, роясь в архивных материалах мой друг, историк Джамиль Гасанлы, нашел факты о том, что дядя Фуад находился под колпаком органов с середины тридцатых годов и несколько раз был совсем близок в «посадке». В романе «Солнечное сплетение» я рассказал об одном случае из его жизни. Привожу цитату: «В годы войны дядя Фуад работал главврачом городского сумасшедшего дома на Магазинной улице. В сорок втором году за ним приехала машина из НКВД. Поднятый с постели среди ночи, он попрощался с родными, которые были убеждены, что его увозят навсегда. Но его вместо НКВД привезли к сумасшедшему дому, которым он руководил и, бедняга, к

своему ужасу, увидел над крышей родной больницы белый флаг. Расследование «по горячим следам» выяснило, что сумасшедшие, узнав о прорыве немцев в сторону Баку, поспешили сшили из четырех простыней белый капитулянтский флаг, чтобы немецкие бомбардировщики, увидев его, не сбросили бомбу на их больницу».

Дядя Фуад никогда не рассказывал о своей лагерной жизни. И все же, первые сомнения в справедливости советского строя зародились у меня во время встреч с ним. Этот умнейший немолодой человек подолгу беседовал со мной как со взрослым человеком. Его сдержанное неодобрение того, что восторженно принималось всеми (и мною в том числе), постепенно оказывало на меня оздоравливающее воздействие - я научился видеть не только то, что утверждала пропаганда. Но поистине шоковое впечатление на меня произвел доклад Хрущева на двадцатом съезде. Мама была права, я плохо знал государство, в котором жил.

К поступлению в институт я полностью освободился от своих детских заблуждений. И, как многие неофиты, стал яростным критиком советской власти. Это испугало отца, в отличие от мамы, очень осторожного в своих высказываниях и поведении. Послереволюционные события так врезались в его память что он, как говорила мама, «держал язык за зубами» всю жизнь. Думаю, что и среди своих собутыльников, казалось бы проверенных за долгие годы совместных возлияний, он избегал откровенных разговоров.

Единственное место, где отец позволял себе относительную свободу, был наш двор. Летними вечерами, пока живущий в соседнем дворе грузин-парикмахер Шакро сбривал на его лысой голове узкий венчик волос за ушами, а дядя Зяма (отец моего друга Бориса Фридмана) и другой наш сосед, автоинспектор Ибадулла в неизменной желто-оранжевой полосатой пижаме, внимали ему, сидя на опоясывающем двор открытом балконе, отец громко комментировал то, что напечатано в свежем номере газеты «Правда».

-Дела Молотова плохи, - к примеру, заявлял он с безапелляционной уверенностью, восхищая Зяму, Шакро и Ибадуллу умением прочитать в главной газете то, что в ней не было написано.

-В перечне участников последнего заседания политбюро фамилия Молотова перенесена со своего обычного после Сталина места на четвертое, - объяснял папа, и они утыкались в свои экземпляры газеты, которую будучи в отличии от него коммунистами ежегодно выписывали.

Папа никогда не ошибался. Внимательно читая официальную хронику, опубликованную в «Правде», он знал о положении дел в «верхах» не хуже тех, кто по ночам слушал «вражеские» радиостанции. Но ни с кем, кроме соседей, своими наблюдениями не делился. Бедный папа так и прожил всю жизнь в идеологическом панцире, сковывавшем каждое движение его души. И это было главной причиной того, что настоящей близости у нас не было. Как - то я спросил маму, почему она в девятнадцатилетнем возрасте, поступив после рабфака в университет вышла замуж за человека, который был старше ее на семнадцать лет и далеко не красавец.

-За мною многие ухаживали, но в основном это были выдвиженцы, приехавшие в Баку из сельских районов. А мне хотелось, чтобы отцом моих детей был интеллигентный человек из хорошей семьи. Дед твоего отца был юристом с петербургским образованием и имел в Шемахе адвокатскую контору. А твой дед работал в городской управе и, если бы не революция, имел все шансы ее возглавить.

Мама считала папу неудачником; однажды я услышал, как она упрекнула его в этом; не впрямую конечно, но довольно обидно; в ответ на какую-то реплику папы она сказала:

- Какое это имеет значение? Твои друзья давно академики и профессора, а ты всю жизнь и.о. доцента.

Собиравшийся в гости к дяде Фуаду папа сдержанно возразил:

- Мои друзья давно расстреляны и посажены, а те, о ком ты говоришь, просто сослуживцы.

Имена репрессированных друзей и своих родственников папа упоминал неохотно, сам же выжил только потому, что старался со всеми ладить и уступал занимаемую должность любому, кто на нее претендовал. Он и в дверь первым никогда не входил, пропуская вперед даже ребенка.

Однажды его задавил микроавтобус, ехавший задним ходом, и папа пытался оправдать подвыпившего водителя: «Он ехал совсем медленно, но я не успел ускорить шаг», - уверял он нас, когда его провезли домой. Водитель, тоже не молодой человек, с ним не соглашался, обвиняя в случившимся себя. Так они и расстались, рассыпаясь в благодарности друг к другу: папа за то, что водитель после наезда не сбежал, а водитель за то, что папа не вызвал ГАИ.

Прикладывая спиртовую примочку к довольно большой опухоли на лысом черепе папы, мама шутила: «К счастью ты ударился о мостовую самым крепким местом своего организма». Она не словом не упрекнула водителя; мы все знали, что папа, задумавшись, не видит даже то, что происходит рядом с ним.

За год до его смерти темная родинка, расположенная под правым глазом, вдруг начала быстро расти и известный онколог профессор Рагимов назначил ему курс облучения в своем институте; это продолжалось через день в течение двух месяцев. Так случилось, что к концу лечения я и Максуд вынуждены были уехать на десять дней в Москву и возить папу в больницу вызвался Полад Бюльбюль оглы, тогда уже популярный певец и начинающий композитор. (Несмотря на большую разницу в возрасте он дружил с Максудом). В молодые годы Полад спал до 2-х часов дня, поэтому, согласившись возить папу в больницу по утрам, он обрек себя на мучения.

Полад был и остается очень лихим водителем. Однажды он примчал меня из Дома литераторов до аэропорта Внуково за двадцать минут; на двух постах ГАИ его пытались остановить, но он, отмахнувшись, проскочил мимо: «На обратном пути разберусь», успокоил он меня, видя, что я чувствую себя виноватым. Он был популярен в России и не сомневался, что гаишники его узнают и простят.

Так вот, раздраженный необходимостью вставать рано утром, Полад забирал папу и мчался в больницу с еще большей скоростью, чем обычно. Как-то совершив какое-то совсем уже рискованное нарушение, он спохватился и спросил папу: «Ничего, что я так быстро езжу, дядя Ибрагим?» Папа, оторвавшись от каких-то своих мыслей, в ответ спросил: «А ты ездишь быстро, Полад?» Полад рассказал нам об этом с легким недоумением – такое волнистое невнимание к его водительскому таланту показалось ему странным. (Брат дружил с Поладом до конца своей жизни, а я, не общаясь с ним годами, храню благодарность за заботу о нашем папе и готов выполнить любую его просьбу, не связанную с деятельностью посла.)

Вечерами старшее поколение Ибрагимбековых собирались у дяди Фуада, чтобы поиграть в покер. Папа в карты не играл. Повзрослев, в круг картежников вместо него вошел мой брат и неизменно проигрывал. Может быть поэтому я никогда не испытывал интереса к азартным играм.

Брат до четырнадцати лет был маменькиным сыночком и имел прозвище Макса-плакса. Но вдруг резко изменился, начал заниматься боксом и довольно быстро завоевал репутацию человека, умеющего за себя постоять. Склонность к сочинительству проявилась у него очень рано – в тринадцать лет он написал «роман», поместившийся в двенадцати страничную тетрадку. Всей семьей мы слушали, как он читал его в свете керосиновой лампы. Родители были в восторге от услышанного. Мне «роман» тоже понравился, он был о пиратах. Писал брат и стихи, они мне нравились меньше. Но как бы то ни было, выражаясь языком героев «романа» о пиратах, я многие годы «двигался в его кильватере».

Он был замечательным прозаиком. Повесть «И не было лучше брата» кажется мне одним из лучших образцов мировой прозы. Мое неожиданное возникшее желание последовать его примеру он поддержал сразу и безоговорочно. Но многое из написанного мною не одобрял идеологически. А мое общественное поведение с каждым годом раздражало его все больше и больше. Прямых объяснений мы оба избегали. Статья «По ком звонит колокол», как я уже сказал, положила конец нашему общению. Брат был не единственным

с кем у меня испортились отношения из-за этой статьи. Всплеск недовольства мною после ее опубликования был настолько сильным, что я и сегодня, через семь лет, не называю имена тех, кому я прочитал ее в тот вечер. (Пярвиза, Абили, Алика и Рафика Гусейнова уже нет в живых). По этой же причине я обозначу инициалами еще одного участника того застолья бывшего министра, эрудита с атлетическим телосложением и красивым баритоном, о котором я хочу рассказать подробнее.

Когда все разошлись по домам и мы остались одни, он включил на полную мощность телевизор и отнес на кухню мобильные телефоны.

- Дорогой Рустам Ибрагимович, - сказал он, завершив эти предосторожности - я не вправе давать вам советы, но...

Я перебил его:

- Вам не понравилась моя статья?

- Я в восторге, но не публикуйте ее, прошу вас...

Мы были знакомы чуть больше года и он сразу же произвел на меня хорошее впечатление умением пить не пьянея и делиться информацией, которой был переполнен, только если об этом его просили. Искреннее его расположение ко мне я ощутил с первого дня нашего знакомства, и все же такое волнение из-за моей статьи показалось странным. Почувствовав это он объяснил причину своей эмоциональности.

Оказалось что он знает обо мне очень много; даже прочитал мои «кибернетические» статьи, опубликованные в шестидесятых годах в Баку и Москве. До подробностей он знал и все, что произошло в 2008 году, когда в прессе (из-за интервью одной из московских газет) была организована осуждающая меня компания, а группа депутатов Милли меджлиса обвинила меня в предательстве родины. Неизвестно чем бы все тогда закончилось, если бы двести восемьдесят пять деятелей культуры и науки не подписали письмо в мою защиту. (Сбором подписей занимался мой верный друг, директор театра «Ибрус» Лала Эфендиева). И вот спустя четыре года, Н.Г., подобно аббату Фарии, раскрывшему глаза юному Эдмонду Данtesу на тайны политической жизни

Франции того времени, сообщил мне о том, что «на самом верху» принято решение со мною расправиться и статья станет для этого удобным предлогом.

Мы проговорили несколько часов. Я объяснил Н.Г., что о готовящейся статье известно многим членам Форума национальной интеллигенции, инициатором которого я являюсь и, если статья не выйдет, они справедливо решат, что я струсили. Он продолжал меня уговаривать и в качестве последнего довода сообщил, что если статья увидит свет, ему придется переехать в Турцию, забрав с собой семью.

- Вам то зачем уезжать? – удивился я.
- Мною недовольны там! – он ткнул пальцев в потолок.
- За что? – удивился я, - вы, по-моему, ведете себя осторожно.

Он смутился и ответил не сразу.

- За то, что я бываю у вас.
- Странно, здесь каждый вечер собираются мои друзья и у них нет никаких проблем.

- Ваши друзья люди аполитичные, и регулярно выполняют ритуальные процедуры восхваления властей. А я этого не делаю, - он замялся, - может мои страхи преувеличены, но мне лучше унести отсюда ноги, пока не поздно.

Мы попрощались, обменявшись еще несколькими фразами.

- Я надеюсь вы будете приезжать.
- Не знаю, может быть, если ситуация изменится.

Уже в дверях он вдруг стал рыться в карманах своего плаща.

- Забыл, - сказал он еще раз перепроверяя карманы, – я принес с собой сборник докладов международного симпозиума по иерархическим системам управления, - объяснил он, поймав мой вопросительный взгляд.

- Откуда он у вас?
- Я храню его с 1971 года. Нас студентов посадили в зале Академии наук, где проходил симпозиум, чтобы не было пустых мест. Вы были единственным азербайджанцем, кто выступил тогда. Это удивило многих, мы знали вас как сценариста фильмов «Белого солнца пустыни» и «В одном южном городе», и

вдруг оказалось, что вы ученый... Я навсегда запомнил начало вашего выступления.

Я недоверчиво улыбнулся.

- Проблема автоматического управления колонной каталитического крекинга очень близка той, с которой сталкивается кинодраматург при написании сценария, - произнес он торжественно, как текст какого-то важного исторического документа, - я хотел, чтобы вы мне подписали этот сборник, он помолчал, не решаясь еще что-то добавить; наконец сомнения были преодолены,- в Турции у меня хорошие связи, -он перешел на шепот, - я веду там энергетический проект. Ко мне недавно обратились люди, они готовы финансировать фильм о поэте Руми и считают, что вы единственный кинодраматург в тюркском мире, который может написать сценарий гарантирующий фильму международный успех. Я обещал поговорить с вами. Прошу вас, не отказывайтесь... Здесь вас ничего хорошего не ждет, поверьте мне..

- Какой примерно бюджет имеется ввиду? - автоматически спросил я, хотя в сложившейся ситуации уехать из Баку я не мог.

- Бюджет определите вы.

- Какие сроки?

- Чем раньше, тем лучше.

Соблазн был огромный, но я не принял его предложение.

Проводив Н. Г., я вернулся к столу, чтобы прибрать грязную посуду и, увидел на полу сборник докладов с моей статьей. Он все же принес его с собой, но видимо уронил. Я полистал тоненький томик в мягкой обложке, где моя фамилия стояла рядом с именами выдающихся ученых. Мог ли я представить в студенческие годы, что добьюсь такого успеха?

В школе я учился посредственно в институт поступил «по блату». Муж моей тети с отцовской стороны, Алигулы Мамедов, был в те годы проректором индустриального института. И поскольку у меня к окончанию школы не выявились какие-то очевидные способности, родители решили

устроить меня на нефтепромысловый факультет этого института. Они надеялись на поддержку родственника, хотя он слыл человеком строгих правил и безупречной честности. Надо сказать, что это соответствовало истине : Алигулы Мамедов не отступил из-за меня от своих принципов и я «срезался» на первом же экзамене. Через год подготовившись тщательней, я получил четверки по физике, математике и литературе. Проходной бал на выбранном мною факультете был ниже, чем на другие, но после последнего экзамена по английскому языку, сданному на тройку, я понял, что по конкурсу не прохожу, и не очень огорченный повторной неудачей, отправился в кино с закадычным другом Валерием Князюком. Но, пока я смотрел фильм родителям позвонил дядя Алигулы и потребовал, чтобы я срочно приехал в институт. К счастью я не очень опоздал - экзаменовавшие меня две толстые тетки задали несколько дополнительных вопросов и переделали мою «тройку» на «хорошо». С шестнадцатью баллами я прошел по конкурсу и с сентября пятьдесят шестого года начал осваивать профессию нефтяника.

На третьем курсе я за драку оказался в баиловской следственной тюрьме и отметил в ней свое двадцатилетие. Суд, длившийся пять дней, приговорил меня к двум годам заключения, но Верховный суд оправдал и в сентябре пятьдесят девятого года я восстановился в институте повторно на третьем курсе. (В романе «Солнечное сплетение» история моего «тюремного» приключения рассказана с существенными отклонениями от фактической).

Жизнь обошлась со мной с жесткостью маминой «немецкой» системы - месяц и двадцать дней, проведенные в следственной тюрьме, показались мне вечностью, но именно в камере я понял, что возможность получить образование - одна из самых ценных человеческих привилегий. И выйдя на свободу, я дал себе слово стать хорошим нефтяником. Но тут произошло чудо: министерство высшего образования СССР ввело на моем факультете новую специализацию, причем только на первых трех курсах. То есть, не попади я в тюрьму, чудесное

нововведение, повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь, меня бы не коснулось.

Новая специальность под названием «Автоматизация производственных процессов», по сути была прикладной ветвью кибернетики, которая в СССР многие годы была под запретом. Учиться стало интересней. Кибернетика тогда активно вторглась на территории многих, казалось бы, далеких от нее наук: биологии, психологии, высшей нервной деятельности... Информация о ее достижениях в основном поступала из-за рубежа. Но и в СССР уже сформировалась группа ученых, сумевших за короткий срок преодолеть многолетнее отставание. Большинство из них сосредоточилось в институте Автоматики и Телемеханики Академии наук СССР - ИАТе, так он тогда назывался. И защитив с отличием диплом, я принял решение стать аспирантом этого института.

Заведующий лабораторией Вычислительного центра, в который я был «распределен» после института, Юнис Махмудов, светлая голова, любимый ученик Лауреата Сталинской премии академика Гутенмахера, узнав о моих намерениях, попытался меня отговорить. Он объяснил мне, что поступление в московскую аспирантуру, даже не в столь авторитетный институт как ИАТ - сложная многошаговая процедура. В первую очередь надо найти солидного научного руководителя и, получив его предварительное согласие, выполнить ряд заданий, что иногда затягивается на несколько лет. Кроме того, крупные московские ученые, как правило, предпочитают брать в аспирантуру тех, у кого есть рекомендации от людей, которым они доверяют.

Раскрыв мне эту «кухню», Махмудов извинился за то, что не может дать мне рекомендательное письмо к своему учителю Гутенмахеру: в нашей лаборатории давно образовалась длинная очередь мечтающих стать аспирантом Гутенмахера, и этические соображения не позволяли ему обойти моих коллег. Я успокоил Махмудова. «Перспектива стать аспирантом Гутенмахера во ВНИИГАЗе меня не привлекает», - объяснил я ему, - «моя цель – ИАТ – единственный научный центр в стране признанный кибернетиками всего мира.»

Конечно, Махмудова обидело такое пренебрежительное отношение к его кумиру Гутенмахеру, и все же, хорошо ко мне относясь, он сделал еще одну попытку отговорить меня от скоропалительного решения.

Но уже на следующий день я поездом, чтобы сэкономить на билете, выехал в Москву. Денег у меня было мало- мизерной зарплаты младшего научного сотрудника еле хватало на повседневные траты. Отец уже вышел на пенсию и родители тоже с трудом сводили «концы с концами». Но я не волновался – деньги были у моего друга и собутыльника, по прозвищу Счастливчик, изъявившего желание составить мне компанию.

В Москве в эти дни проходил очередной Московский международный кинофестиваль и Счастливчик мечтал посмотреть «8 ½» Феллини. (Бакинцы моего поколения неплохо знали зарубежное кино: фильмы прошлых лет, в том числе так называемые «трофейные», вывезенные из Германии, мы смотрели по многу раз; о современных иностранных фильмах узнавали из польских и югославских киножурналов. Ну, а если что-то пробивалось в наш прокат, выставляли длинные очереди, чтобы попасть на фильм в первый же день. Два фильма Феллини как-то привез в Баку лектор из Москвы, и, вместе с увиденными раньше шедеврами послевоенного неореализма, они сделали нас горячими поклонниками итальянского кино.)

В 1963 году поезда из Баку прибывали на Казанский вокзал. Оставив в камере хранения свои сумки, мы вышли на площадь трех вокзалов и сразу же расстались: Счастливчик поехал добывать билеты на Феллини, а я пешком пошел поступать в аспирантуру. Тот факт, что ИАТ располагался в нескольких сотнях метров от вокзала, на который я приехал, показался мне очень хорошим признаком.

Офицер ГАИ, выслушал меня, и махнул жезлом, показав как пройти на Каланчевку, где в те годы располагался ИАТ.

Поднявшись по стертым ступеням из мраморной крошки, я оказался в овальном холле со множеством окон. Первое, что бросилось в глаза, был транспарант, натянутый над пропускным пунктом с двумя охранниками; на нем

вместо цитаты из очередного доклада Хрущева крупными буквами было написано: «ИАТ ничем не уступает Массачусетскому технологическому институту. Здесь работают великие ученые». Под этим текстом стояла подпись «Норберт Винер» и сердце мое забилось еще сильней. Я чтил этого человека, одного из создателей кибернетики, больше чем все революционеры мира модного тогда Че Гевару.

Охранник на просьбу разрешить пройти в отдел аспирантуры вручил мне помятый листок со служебными телефонами института.

У единственного телефонного аппарата столпилась очередь и я пошел на улицу. Автомат, который я нашел неподалеку от величественного здания гостиницы «Ленинградская», тоже был занят. Мужчина средних лет, часто мигая, и прикрыв трубку ладонью, кого-то уговаривал встретиться. Он метался из стороны в сторону, как рвущейся с цепи сторожевой пес, до предела натягивая короткий телефонный шнур. Наконец он повесил трубку, и не глядя на меня, сказал: - «Монету не бросай, работает бесплатно.» Еще в Баку я на всякий случай наменял кучу «двушек», но послушал совета и позвонил «на халяву». После третьей попытки ответил приятный женский голос. Привожу разговор дословно.

- Слушаю вас.

- Здравствуйте, я приехал из Баку. Мне очень нужно поговорить с Марком Ароновичем Айзermanом.

- Вы звоните в отдел аспирантуры. Марк Аронович здесь бывает очень редко.

- А как позвонить к нему в лабораторию?

- Он знает о вашем приезде?

- Нет.

- Вы знакомы?

- Нет.

- Он в отпуске со вчерашнего дня, - помолчав сообщила женщина.

- Что же делать?- этот вопрос я задал скорее себе.

- К сожалению, он вернется из отпуска в начале сентября.
- То есть, почти через два месяца, - подсчитал я.
- Получается так...

«Почему она не вешает трубку?», подумал я и, чтобы продолжить разговор, задал еще один вопрос.

- А он в Москве, или куда-то уехал?
- Не знаю.
- А вы не могли бы дать мне его домашний телефон?

Она рассмеялась.

- Вы или нахал, или очень наивный человек.
- Клянусь, я не нахал, просто у меня нет выхода. Второй раз я в Москву приехать не смогу.
- Понимаю.

И тут произошло невероятное: женщина продиктовала мне домашний телефон великого Айзermana. Прежде чем повесить трубку, она объяснила причину своего великодушия.

- Я тоже бакинка,- сказала она и прозвучало это как признание в принадлежности к тайному обществу, членами которого мы оба являлись, - перед войной я закончила шестую школу в Лебединском переулке.

Пожелав мне удачи она повесила трубку, и я не успел сказать ей, что в шестой школе, примерно в те же годы, училась моя мама. И, быть может, они даже знали друг друга.

Мне нужно было прийти в себя после того, что произошло. Но я вздохнул, как перед прыжком в воду, и сразу же набрал номер Айзermana. Я редко играю в карты, но даже мне знакомо ощущение внутреннего подъема, когда к тебе идет нужная карта одна за другой. Айзerman сразу снял трубку и я испытал похожее чувство - карта шла... Я точно знал, что Айзerman - не бакинец и поэтому заговорил с бешенной скоростью, чтобы сказать побольше пока он не даст отбой.

- Я приехал из Баку и хочу поступить к вам в аспирантуру. Я знаю, вы уезжаете, но я еще раз в Москву приехать не смогу. Не могли бы вы принять меня, чтобы я рассказал вам чем хочу заниматься.

- Стоп, стоп, - прервал он меня, - кто вам дал мой телефон?

- Я не могу сказать, я дал слово, но я никому больше его не дам и сам забуду, клянусь вам.

- Это не обязательно, он есть в телефонном справочнике. Что касается вашего желания стать моим аспирантом, то это так не делается, - в голосе великого ученого не было ни капли раздражения, так разговаривают с ребенком, не понимающим элементарных вещей, - ко мне поступает очень одаренный ученый из Тбилиси и уже два года готовится к этому.... А чем, собственно, вы хотите заниматься? Можете рассказать в двух словах?

-Оптимальным управлением колонной каталитического крекинга.

- Ну, вы совсем не по адресу, дружок, я нефтью не занимаюсь.

- Как не занимаетесь?! –вразился я, понимая, что терять мне нечего, - в журнале «Автоматика и телемеханика» за февраль тридцать седьмого года вы предложили рассматривать группу нефтяных скважин как единую систему с распределенными параметрами.

- Вы читали эту мою статью?

- Да.

- Где вы нашли этот номер журнала?

- В библиотеке нашего института в Баку.

- Интересный у вас институт. Этот номер был изъят из всех библиотек и уничтожен.

- Почему?

- Долгая история. Как вас зовут?

- Рустам.

- В тридцать седьмом году, дорогой Рустам, кибернетиков, как и генетиков преследовали за служению буржуазной антисоциалистике... Ну ладно, раз уж вы умудрились прочитать статью, за которую тогда сажали, я дам вам телефон

Михаила Владимировича Меерова, он заведует кафедрой автоматики в Губкинском нефтяном институте, и попрошу его поговорить с вами.

Я конечно слышал о Меерове и даже читал его работы, но в аспирантуре Губкинского института учиться не хотел, о чем прямо сказал Айзermanу. И он вместо того, чтобы возмутиться от моей наглости, начал меня успокаивать. Оказалось, что Мееров помимо Губкинского института работает и в ИАТе, имеет свою лабораторию. «Мееров, так Мееров», - подумал я, - «лишь бы прорваться в ИАТ».

Айзerman продиктовал мне номер телефона.

- Скажите ему, что вы от меня.
- И этого достаточно?
- Что вы имеете ввиду?
- А вдруг он не поверит?
- Поверит. Звоните и договаривайтесь. До свидания.

Легкое раздражение, появившееся в голосе Айзermanа в конце разговора, расстроило меня – я в полной мере ощутил свою провинциальную напористость и стало стыдно за то, как я говорил с этим замечательным ученым и человеком.

Меерову я позвонил вечером, перед просмотром фильма «8 ½»; он разговаривал со мной как с человеком, способности которого не вызывают сомнений и вполне достаточны для поступлений в аспирантуру ИАТ. Видимо, Айзerman все же позвонил ему. Но, как бы то ни было, мое страстное на тот момент жизни желание осуществилось. И объяснить это можно лишь невероятным стечением обстоятельств: в день, когда я направленный гаишником пришел в ИАТ, заведующий аспирантурой Уткин (имя и отчество вылетело из памяти, хотя мы три года вполне дружелюбно общались) впервые за многие годы взял отгул и его заменила бакинка Лилия Сырникова. И именно это определило дальнейший ход событий – сработала пресловутая еврейская солидарность: Сырникова по цепочке передала меня другому еврею, тот – третьему, и в результате никому из них не знакомый азербайджанец получил место в

аспирантуре института, трудно доступного даже для евреев с выдающимися способностями.

Евреи и в дальнейшем участвовали в моей жизни, успешно конкурируя с представителями других национальностей, оказавшихся в списке моих доброжелателей...

Счастливчик отнесся к тому, что произошло в ИАТе спокойно.

- Нормальные люди, - потягивая через соломинку коктейль «Маяк» с плавающим в ликерной смеси яичным желтком, он с удовольствием поглядывал по сторонам в баре второго этажа гостиницы «Москва», ощущая себя героем романа Ремарка, которым мы тогда зачитывались, - кого они найдут лучше тебя?

Чтобы не спорить с ним, я перевел разговор на понравившийся мне фильм Феллини. Впервые я увидел на экране не только действия героев, но и то, что происходило в их воображении - Феллини расширил возможности киноязыка до уровня литературы. Счастливчик со мной согласился, но его больше занимало то, что произошло днем после моего похода в ИАТ. На углу улицы Горького (Тверской) и Проспекта Маркса (Охотного ряда) из подземного перехода навстречу нам вышла и прошла в полуметре Наталья Фатеева. Если бы вдруг вместо нее из-под земли забил мощный нефтяной фонтан, мы были бы поражены гораздо меньше - так она нравилась бакинцам и остальной мужской части населения страны из-за роли, сыгранной ею в фильме «Три плюс два». Понадобилось несколько секунд, чтобы я подавил в себе дрожащего от волнения кролика и бросился ее догонять.

Серо-голубые глаза небесной глубины смотрели на меня с удивлением пока я нес какую-то ахинею, видимо смешную, потому что она улыбалась. Не помню, что я тогда говорил, но наверняка не преминул щегольнуть своими познаниями в итальянском кино. В тот день я получил второй урок подлинной интеллигентности - знаменитая актриса разговаривала с незнакомым кавказским юношей, не проявляя никаких признаков столичного превосходства. Расхрабрившись, я попытался назначить ей свидание. И конечно же получил отказ. Но как это было сделано! Я отошел от нее с твердым убеждением, что

наша встреча была бы ей очень приятна но не состоялась из-за непреодолимых объективных обстоятельств.

Я напомнил Наташе об этом эпизоде спустя тридцать пять лет, когда она приехала в Баку на мой фестиваль «Восток-Запад».

-Так это был ты?! – глаза ее по-прежнему казались бездонными, и глядя в них я проверил, что она и вправду помнит о нашем мимолетном знакомстве. Потрясающая актриса.

Вечер мы со Счастливчиком завершили в ресторане «Савой». (Первый и последний раз я побывал в этом ресторане в четырнадцатилетнем возрасте. В 1953 году отец вез на преддипломную практику своих студентов, будущих географов и Москва была частью практики с обязательными дневными экскурсиями. А по вечерам отец водил меня по ресторанам своей дореволюционной студенческой молодости. За неделю мы посетили «Националь», «Метрополь», «Прагу», конечно же «Савой», с которым у отца были связаны особенно трогательные воспоминания. По возвращению в Баку в течение года из зарплаты отца вычитали 20%, чтобы покрыть перерасход, связанный с нашими ресторанными издержками.

- Должен же я был показать мальчику Москву-, оправдывался он перед мамой, как ни странно довольно спокойно принявшую неожиданный удар по нашему и без того скучному семейному бюджету.

- И не стыдно было таскаться по ресторанам в таком виде? – она имела ввиду мятый папин белый парусиновый костюм, за лето ставший серым, и прюнелевые туфли, которые по утрам чистил зубным порошком.

«Савой» запомнился мне зеркалами в золоченых овальных рамках на потолке и бассейном посреди зала), из которого вылавливали рыбу по заказу посетителей.

Нам со Счастливчиком зажарили крупного карпа, а официант, очень похожий на президента США Никсона (я уловил это сходство в конце шестидесятых), принес вспотевший графин холодного немецкого пива «Радебергер». Счастливчик легко преодолел мои попытки ограничить расходы

выбором недорогих блюд; он вел себя не менее расточительно, чем мой отец десять лет назад.

Утром следующего дня мы поехали в Серебряный бор, чтобы купанием в реке привести в порядок легка расстроившееся здоровье. И там на пляже «Татарово» (рекомендованного Фатеевой в нашем коротком разговоре) я увидел своего будущего мастера Сергея Апполинариевича Герасимова. Он вышел из коричневой «Волги», быстро разделся, вручил одежду водителю, такому же лысому, как и он сам, резвой трусцой преодолел расстояние до воды, за несколько минут добрался до середины реки, вернулся, обтерся махровым полотенцем и уехал. Все вместе заняло минут пятнадцать. Конечно, я уже знал кто такой этот крепкий загорелый бодрячок, но и предположить не мог, что через два года он станет моим мастером на Высших сценарных курсах.

Необъяснимые признаки того, что Сергей Апполинариевич Герасимов когда-нибудь войдет в мою жизнь начали проявляться очень давно. В пятьдесят третьем году я в доме своего одноклассника увидел на стене фотографию красивой женщины. Она настолько не была похожа на членов семьи моего одноклассника, что я спросил у него: «Кто это такая?» Он удивился моему невежеству - оказалось, что это знаменитая киноактриса Тамара Макарова жена не менее известного режиссера Сергея Герасимова и я вспомнил, что в четвертом классе нас водили на его фильм «Молодая гвардия».

Фотография на кухонной стене одноклассника часто всплывала в моей памяти, когда через несколько лет я звонил Сергею Апполинариевичу и трубку неизменно снимала Тамара Федоровна. Услышав мой голос, она звала его откуда-то из глубины их большой квартиры: «Сережа, Рустам». И один из самых влиятельных людей советского кинематографа неизменно выполнял мои просьбы, обычно касающиеся друзей кинематографистов, притесняемых чиновниками Госкино СССР.

В год моего поступления в аспирантуру Максуд заканчивал Высшие сценарные курсы и я, написав несколько статей и опубликовав их в

академических журналах и сборниках, начал ходить на просмотры фильмов, которые нигде кроме этих курсов увидеть было невозможно. Правдами и неправдами с помощью брата я проникал в маленький просмотровый зал и довольно быстро ко мне привыкли и слушатели, и педагоги. Однажды, проторчав на курсах подряд две недели, я взял на прокат пишущую машинку и отстучал у себя в аспирантском общежитии сценарий под названием «В Баку дуют ветры». (Это было второе по счету мое литературное произведение. До этого, на последнем курсе института я написал рассказ под названием «Хлеб без варенья» и послал его в модный тогда журнал «Юность». Получив ответ, в котором было написано, что обычно редакция авторам отвергнутых произведений не отвечает, но для меня сделано исключение, я забросил свое сочинение в ящик нашего общего с Максудом стола. Через несколько месяцев он на него наткнулся и отдал в газету «Молодежь Азербайджана», где его напечатали. Я объяснил тогда себе это приятельскими отношениями Максуда и заведующего отделом литературы и искусства Мансура Векилова; в последствии одного из самых близких моих друзей.) Брат и его сокурсники отнеслись к моему сценарию настолько благосклонно, что летом 65 года я написал еще три рассказа и вместе с «Хлебом без варенья» и сценарием отдал в комитет по кинематографии Азербайджана с документами для поступления на следующий набор курсов. Мое «дело» было отправлено в Москву на творческий конкурс и в итоге я был принят на курсы в мастерскую Сергея Герасимова (ему ассистировала киновед Людмила Ивановна Белова, которой я дружил многие годы до самой ее смерти).

В год моего поступления Герасимов первый и последний раз согласился набрать мастерскую на курсах. (Вместе с Макаровой он десятилетиями вел знаменитую актерско-режиссерскую мастерскую во ВГИКе, которую закончили Мордюкова, Тихонов, Бондарчук, Лиознова, Моргунов, Губенко, Садилова и другие знаменитые кинематографисты). И неизвестно как сложилась бы моя судьба в кино, если бы я учился у какого-то другого мастера. Герасимов был

великим педагогом еще и потому, что следил за тем, как складывается профессиональная жизнь его учеников.

Привилегия быть учеником Герасимова помогла мне победить в сложной позиционной борьбе с многоступенчатой структурой государственной кинематографии и, в результате, по моему абсолютно «не проходимому» дипломному сценарию «В этом южном городе», был снят фильм.

В сценарной коллегии «Азербайджанфильма» в те годы работал Юсиф Самедоглу. Анар, с которым я познакомился в Москве, передал ему мою дипломную работу и устроил встречу у себя дома. Была жуткая жара, Юсиф тяжело дышал то и дело вытирая красивое лицо влажным платком. Он похвалил сценарий, но честно предупредил, что вероятность его запуска в производство близка к нулю. Единственное, что в его силах, сказал он чуть заикаясь, это убедить директора киностудии «Азербайджанфильм» Народного артиста СССР Адиля Искендерова заключить со мной договор и выплатить аванс. Полторы тысячи рублей были для меня огромными деньгами, и я посчитал это щедрым вознаграждением за удовольствие от занятий на курсах.

Довольный достигнутым на кинематографическом поприще результатом, я продолжил свою работу в институте кибернетики под руководством все того же Юниса Махмудова. Началась подготовка к защите диссертации.

Но написанный мною сценарий начал жить независимой от меня жизнью; его передавали из рук в руки; и через Вагифа, брата Юсифа Самедоглу, он оказался у Кара Караева. Тот, прочитав, передал текст театроведу Джрафару Джрафарову, а того через месяц назначили секретарем ЦК компартии Азербайджана по идеологии. (Меня и сейчас не покидает ощущение, что самый крупный театровед Азербайджана всех времен оказался на высокой партийной должности именно для того, чтобы вмешаться в мою судьбу). Мы с ним встретились, он высказал несколько соображений, и после небольших переделок сценарий был отправлен на утверждение в Госкино СССР. Тут еще раз сработало имя Герасимова и редактура Госкино, изменив название «В этом южном городе» на «В одном южном городе» запустила его в производство. Так

организованная судьбой цепочка русско-азербайджанских доброжелателей - Сергей Герасимов, Анар, Вагиф и Юсиф Самедоглу, Кара Караев, Джафар Джафаров, а позднее Константин Щербаков, положила начало моей профессиональной кинематографической деятельности, вытеснившей увлечение наукой.